А.В. Чудинов

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕЛИОПОЛИСЕ, ИЛИ ЗАБЫТАЯ ПОБЕДА

Победа французских войск под командованием генерала Клебера над турецкой армией великого визиря Юсуф-паши по Гелиополисом 20 марта 1800 г. стала самым крупным триумфом французского оружия во время Египетского похода 1798–1801 гг. Однако из всех сражений той кампании именно это получило наиболее слабое освещение в историографии и практически не запечатлелось в исторической памяти французов. Автор статьи анализирует причины подобной ситуации, связывая ее с пропагандистской политикой Бонапарта, направленной на превознесение собственных заслуг и принижение достижений соперников, среди которых Клебер был одним из наиболее выдающихся. Вниманию читателей статьи также представлена наиболее подробная на сегодняшний день реконструкция хода битвы при Гелиополисе, осуществленная автором на основе документов военного архива в Венсенне и воспоминаний участников сражения.

Ключевые слова: Египетский поход 1798-1801, сражение при Гелиополисе, Клебер, Бонапарт, историческая память

«Это событие случилось 26-го числа в шаваль – месяц, когда смерть собирает свою жатву, когда можно увидеть перемену фортуны и знаки беды».

Никула ат-Турк. «Воспоминания о господстве французов в Египте и странах Шама»

Слава и забвение

Феерическая эпопея Египетского похода, предпринятого в 1798 г. Наполеоном Бонапартом, оставила глубокий след в памяти французов. Ей посвящены многочисленные произведения изобразительного искусства, литературы, кинематографа. Широко запечатлена она и в названиях улиц французской столицы.

Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, заведующий лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой исторического регионоведения ГАУГН. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

Бродя по центру Парижа, то и дело сталкиваешься с напоминаниями о победах французского оружия, одержанных под палящим солнцем Египта и Палестины. Так, площадь и улица Пирамид, что в первом округе, прославляют «битву при Пирамидах», которой Бонапарт, разбив 21 июля 1798 г. мамлюков на подступах к Каиру, проложил себе путь к столице Египта. Там же, в первом округе, расположена улица Мон-Табор, поименованная в честь победы Бонапарта над турками при горе Фавор 16 апреля 1799 г.

По соседству, во втором округе, есть улица Каира. Помещенная на ней мемориальная доска гласит: «Восхищенные вступлением Бонапарта в Каир 23 июля 1798 г. парижане в 1799 г. дали этой новой магистрали [на месте разрушенного в Революцию монастыря Дщерей Божьих. – A. U.] имя египетской столицы». Рядом с ней — площадь Каира и улицы Александрии, Нила и Дамьетты, также напоминающие об основных вехах завоевания Египта: высадившись у Александрии, Бонапарт провел затем свою армию вдоль Нила к Каиру, откуда направил войска в Дамьетту.

Тот же второй округ Парижа пересекается по диагонали улицей Абукира. Если для нас египетский городок Абукир ассоциируется, прежде всего, с уничтожением на его рейде французского флота английским адмиралом Нельсоном 1–2 августа 1798 г., то французам более памятен «второй Абукир» — сухопутное сражение 25 июля 1799 г., когда войска Бонапарта сбросили в море превосходящие силы турецкого десанта. В честь этой, последней своей победы на египетской земле, Наполеон в 1807 г. и назвал улицу.

Казалось бы, египетская эпопея вполне достойно отражена в топонимике центральных, наиболее престижных, округов Парижа. Однако заметим, что во всех перечисленных названиях увековечены события только первого года Египетского похода, когда во главе Восточной армии Франции стоял именно Наполеон Бонапарт. Между тем поход продолжался в общей сложности более трех лет: после того как в августе 1799 г. главнокомандующий со своим ближайшим окружением тайно бежал во Францию, где вскоре захватил власть в результате государственного переворота, покинутые им войска еще два года продолжали отбиваться от многочисленных врагов – англичан, турок, мамлюков, бедуинов, – пока 30 августа 1801 г., исчерпав все имевшиеся ресурсы, не сложили оружие на почетных условиях. История этой отчаянной борьбы армии, брошенной предводителем, знает немало героических деяний, достойных почитания. Но сегодня о таковых практически забыли. Напоминает о них разве что название крохотной, протяженностью чуть более ста метров, улочки Гелиополиса, затерявшейся на самой окраине французской столицы, в 17-м округе, неподалеку от Периферийного бульвара – парижской «окружной».

В древности Гелиополисом, «городом солнца», греки называли египетский город Иуну, где располагалось главное святилище бога Ра. К концу XVIII в. от былого величия Гелиополиса сохранились лишь остатки руин близ Каира да непоколебимо возвышающийся над ними гранитный обелиск (он и по сию пору на том же месте украшает окраинный район разросшейся египетской столицы). Тем не менее именно этот давно исчезнувший город и дал название крупнейшему из сражений Египетского похода. Здесь 20 марта 1800 г. французские войска под руководством своего главнокомандующего, дивизионного генерала Жан-Батиста Клебера разгромили турецкую армию великого визиря Юсуф-паши и в течение последующих четырех дней полностью ее уничтожили.

В иное время подобный триумф французского оружия был бы восславлен на века, но не в этот раз. И причин тому несколько.

Отчасти, думаю, это было связано с тем, что первое известие о славной победе пришло в Париж не в громе победных реляций, повлекшем за собой взрыв народного ликования, а в виде смутных слухов, которым не знаешь, верить или нет. Прямого сообщения между Францией и Египтом тогда не было. Британский флот после победы Нельсона при Абукире безраздельно господствовал в Средиземном море. А потому сведения о сражении при Гелиополисе по капле просачивались во Францию из других стран.

Впервые о предполагаемой победе в Египте официальная французская газета *Мопіtеиг* бегло упомянула 23 мая 1800 г. в постскриптуме, помещенном на последней странице. В заметке говорилось: «Письма из Вены сообщают, что генерал Клебер полностью разгромил в Египте армию великого визиря. Эта нежданная новость преподносится как достоверная; она может показаться вполне правдоподобной…» И далее излагались доводы редакции в пользу такого предположения¹.

8 июня *Moniteur* напечатал выдержку из английской газеты *Morning Chronicle*, где со ссылкой на бюллетень из Константинополя, присланный британским послом лордом Элджином, сообщалось, что Клебер «обрушился на турецкую армию и "за какой-то час" разнес ее в клочья. Дело было 25 или 26 вантоза [16 или 17 марта. -A. Y.]. Говорят, десять тысяч турок пало на поле боя. Остальные были рассеяны и разбрелись куда глаза глядят. В тот момент, когда это известие отправляли, они еще не собрались. Таким образом, у французов больше не осталось врагов в Египте»².

¹ Gazette Nationale ou le Moniteur Universel, An VIII, 3 prairial.

²Ibid. 19 prairial.

И лишь 9 июня Moniteur, наконец, поместил на первой странице информацию от собственного корреспондента из Константинополя с описанием общей канвы происшедшего. Любопытно, что автор текста гораздо более сдержанно оценил масштабы сражения по сравнению с процитированными ранее австрийцами и англичанами: «Выдвинувшись с 6000 человек, находившимися в его распоряжении под стенами Каира, он [Клебер] атаковал корпус аги янычар и без труда его опрокинул. Спасшиеся известили великого визиря, стоявшего лагерем в двух лье далее, о поражении этих войск. Он собрался было прийти к ним на помощь со всей своей армией, но его солдаты в страхе сами пустились в бегство и рассеялись во все стороны»¹. Как видим, ни тебе «полного разгрома», ни «разноса в клочья», как оценивали происшедшее сами противники Франции. Фактически в военном отношении значимость случившегося сведена автором сообщения к локальной стычке, повлекшей за собой общее отступление турок только в силу низкого боевого духа их армии. На великую победу никак не похоже.

И только 29 июня, более чем месяц спустя после первых известий о сражении, *Moniteur* опубликовал полученную из Константинополя выдержку из газеты «Публицист», где приводился полный текст воодушевляющего обращения Клебера к своим войскам накануне боя (о нем речь будет ниже), подробно излагался ход сражения и его блистательные для французов итоги². Казалось бы, все компоненты, необходимые для возникновения легенды, налицо. Но легенды так и не сложилось. Вопервых, ждать достоверных подтверждений случившемуся пришлось слишком долго, и эффект нежданной радости был утрачен. А во-вторых, и может быть, прежде всего, французская публика в тот момент уже вовсю ликовала по поводу другой славной победы, одержанной накануне и гораздо ближе к границам Франции – победы в битве при Маренго.

Первое известие о разгроме Бонапартом австрийцев 14 июня при Маренго появилось в *Moniteur* 22 июня³, а уже четыре дня спустя читатели смогли узнать обо всех перипетиях происшедшего из опубликованного в той же газете детального рапорта генерала Л.А. Бертье (номинально командующего французской армией, реально — начштаба при Бонапарте)⁴. И 29 июня, когда, как уже отмечалось выше, в *Moniteur* появилось более или менее достоверное описание сражения при Гелиополисе, французская пресса всё еще продолжала смаковать подробно-

¹ Gazette Nationale ou le Moniteur Universel. An VIII. 20 prairial.

²Ibid. 10 messidor.

³ Ibid. 3 messidor.

⁴Ibid. 7 messidor.

сти битвы при Маренго. Таким образом, триумф Бонапарта полностью затмил победу Клебера.

Возможно, помимо объективных сложностей с получением сведений из Египта, были на то и политические причины. Глава Французской республики Первый консул Бонапарт уделял огромное внимание формированию общественного мнения и лично контролировал содержание информации, публикуемой в *Moniteur*¹. Не потому ли в первом официальном сообщении военная значимость произошедшего в Египте была столь принижена? И не потому ли подробности сражения появились в печати только после того, когда общественное мнение Франции было уже безраздельно занято победой при Маренго? Ведь Бонапарт не имел ни малейших — ни политических, ни личных — мотивов способствовать прославлению Клебера, который не только не вызывал у него симпатий, но и, похоже, рассматривался Первым консулом как потенциальный политический соперник.

Отношения между двумя генералами с самого начала экспедиции складывались непросто. К 1798 г. Клебер имел гораздо больше военного опыта, чем Бонапарт, ничуть не меньше, чем у того, одержанных побед и пользовался высочайшим авторитетом в войсках. Так что у командующего Восточной армией имелось достаточно оснований для ревности. Общение Бонапарта с Клебером и в первые недели экспедиции теплотой не отличалось, а по ходу нее и вовсе оборачивалось порою острыми конфликтами². Покидая Египет, Бонапарт оставил за себя Клебера (не спросив на то его согласия!), а не кого-либо из друзей-соратников, похоже, именно потому, что считал положение армии бесперспективным. Соответственно друзей-соратников он увез с собой, а потенциальному сопернику поручил командовать тонущим кораблем.

О своем назначении Клебер узнал из письма Бонапарта, когда тот уже несколько дней находился на пути во Францию. Ознакомившись с полученным наследством, новый главнокомандующий отправил тогдашнему французскому правительству — Директории — пространное донесение, где в деталях описал полнейший развал в делах, оставленный ему предшественником³. Этот, изначально секретный, документ превратился, однако, в открытое послание, так как был перехвачен англичанами и некоторое время спустя ими опубликован. Но к тому времени, когда послание

¹Подробнее см.:*Туган-Барановский Д.М.* Наполеон и власть (Эпоха Консульства). Балашов, 1993. С. 227–231.

² См., например: *La Grevèrie P*. L'Armée d'Orient sous Kléber // Revue d'histoire. 1911. Juillet. № 127. Р. 6–13.

³ Новейшая комментированная публикация этого документа выполнена А. Лорансом. См.: Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 2. Р., 1988. Р. 515–532.

Клебера стало всеобщим достоянием, Бонапарт уже сверг Директорию и сам возглавил страну. Иначе говоря, пока «иск» Клебера добрался до Франции, его ответчик стал судьей. Естественно, подобный обличительный документ, да еще полученный через вражескую прессу, не улучшил отношение Бонапарта к новому командующему Восточной армией. Можно только догадываться, какие чувства испытал Первый консул, узнав, что, по удивительному совпадению, в день его триумфа при Маренго – 14 июня 1800 г. – Клебер погиб в Каире от руки религиозного фанатика. Едва ли это было сожаление. На такую мысль наводит тот факт, что и после смерти Клебера Бонапарт до конца своих дней продолжал сводить с ним счеты.

Показательно, что прах Клебера, привезенный в 1801 г. вернувшимися из Египта солдатами Восточной армии, не находил упокоения до тех пор, пока Наполеон оставался у власти. Четырнадцать лет гроб с останками генерала пролежал в каземате замка Иф «на карантине» и был торжественно захоронен Бурбонами лишь после того, как французский император отправился доживать свой век на остров Святой Елены¹. Впрочем, и в ссылке Наполеон продолжал борьбу с памятью былого конкурента. Там он составил подробное опровержение вышеупомянутого письма Клебера Директории, по пунктам ответив на выдвинутые в нем обвинения². В ссылке же бывший император написал историю кампании в Египте, осветив не только события ее первого года, в которых лично принимал участие, но те, что происходили после его отъезда. Дал он характеристику и сражению при Гелиополисе, откровенно постаравшись принизить значение победы Клебера:

«Многочисленная кавалерия окружила [французские] каре со всех сторон, гарцевала возле них, но не предпринимала никакой атаки. По своим боевым качествам эти войска значительно уступали тем, что были у мамлюков при Пирамидах»³.

«Относительно сражения при Гелиополисе невозможно оспорить: армия великого визиря не оказала никакого сопротивления. Сам этот первый министр вообще не имел военного опыта, а его армия существенно уступала той, что была у горы Фавор»⁴.

Показательно, что Бонапарт сопоставляет битву при Гелиополисе с теми сражениями, которые во время Египетского похода выиграл он сам,

¹ Подробнее см.: Baillard J.P. Kléber après Kléber. Strasbourg, 2000.

² Cm.: Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P. 515–532.

³Mémoires de Napoléon. T. 2. La Campagne d'Egypte 1798-1799. P., 2011. P. 331.

⁴Ibid. P. 332.

и настойчиво пытается убедить читателей, что сравнение явно не в пользу его конкурента. Удивительно, что и годы спустя, побывав на таких вершинах власти и славы, о которых ни один его современник не мог даже помыслить, Бонапарт продолжал состязаться с тенью давно ушедшего из жизни соперника.

Однако на самом деле Наполеону уже не было нужды убеждать коголибо в чем-либо: его звезда и так на многие десятилетия безраздельно приковала к себе внимание историков, затмив всех остальных его современников. Сказалось это и на изучении исследователями истории Египетского похода. Какую из появившихся о нем за прошедшие двести лет многочисленных работ ни возьми, нетрудно заметить, что большую часть ее объема авторы неизменно отводят первому, «наполеоновскому», году экспедиции, а то и вовсе заканчивают свое повествование отъездом Бонапарта. Именно так, августом 1799 г., завершается фундаментальная пятитомная публикация источников по истории Египетской экспедиции, подготовленная на рубеже XIX и XX вв. военным историком К. Ла Жонкьером¹. В наилучшей же на сегодняшний день обобщающей монографии о походе, написанной А. Лорансом, первому году египетской эпопеи отведено 300 страниц, второму («году Клебера») – 74, третьему («году Мену») –72². В научно-популярных работах перекос в пользу «года Наполеона» еще более заметен. Так, в одном из последних на сегодняшний день изданий о Египетском походе автор посвятил первому году экспедиции 260 страниц из 270!3

«Не повезло» в данном отношении и битве при Гелиополисе. Если кампании Восточной армии под предводительством Бонапарта разобраны историками во всех подробностях⁴, то победа, одержанная Клебером, до сих пор еще не стала предметом столь же детального анализа. Нельзя, правда, сказать, что о ней совсем не писали. И в многотомной «Научной и военной истории Египетского похода», увидевшей свет при Июльской монархии, когда еще живы были многие его участники, и в наиболее подробной из биографий Клебера, принадлежавшей перу графа Ш.П.В. Пажоля, рассказывается как о самом сражении, так и о дальнейшем преследовании армии великого визиря⁵. Однако при ознакомлении с этими текстами в глаза бросается их практически полное совпадение по содержанию – различия сугубо стилистические. И это неудивительно: оба издания

¹La Jonquière C., de. L'expédition d'Egypte. 5 vols. P., 1899–1907; 2º éd. P., 2003.

²Laurens H. L'expédition d'Egypte 1798–1801. P., 1997.

³Künzi F. Bonaparte et l'Égypte. P., Lausanne, 2005.

⁴См., например: *Chandler D.G.* The Campaigns of Napoleon. 3 vols. L., 2002.

⁵ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830–1836. T. 7. P. 373–395; *Pajol Ch.-P.-V.*, *le comte*. Kléber, sa vie, sa correspondance. P., 1877. P. 469–476.

воспроизводят информацию одного и того же источника - «Доклада французскому правительству о событиях, произошедших в Египте, начиная с заключения договора в Эль-Арише по прериаль VIII года». Этот документ, составленный наполовину Клебером (ему, в частности, принадлежит описание битвы при Гелиополисе), наполовину – начальником его штаба генералом Ф.-Э. Дама, был после смерти Клебера отправлен в Париж и одновременно напечатан в Каире типографией Восточной армии1. Доклад был хорошо известен во Франции: например, отрывок из него с описанием сражения при Гелиополисе издатель мемуаров маршала Л.-А. Бертье о Египетском походе поместил в приложении к основному тексту². Вышеупомянутый граф Пажоль, повествуя о Гелиополисе, напрямую цитировал тот же самый источник, а в «Научной и военной истории Египетского похода» авторы пересказали таковой своими словами, добавив лишь некоторые художественные детали. Позднее версия сражения, изложенная в «Докладе», более или менее кратко воспроизводилась также в отдельных изданиях по военной истории³.

Вышедшая недавно в серии «Забытые сражения» небольшая книга о битве при Гелиополисе военного историка Ф. Делэтра также строится преимущественно на одном «стержневом» источнике⁴. Правда, на сей раз им является не вышеупомянутый «Доклад», а написанные в 1828 г. заметки далекого предка автора – генерала Шарля Делэтра, воевавшего в свою бытность капитаном под знаменами Клебера. Введение в научный оборот нового источника составляет бесспорную заслугу автора, однако при внимательном прочтении заметок Ш. Делэтра нетрудно убедиться, что его текст все же во многом вторичен, поскольку нередко дословно повторяет все тот же «Доклад».

Таким образом, всесторонней исторической реконструкции сражения при Гелиополисе с привлечением максимально широкого круга источников и с их перекрестной верификацией до сих пор не проводилось. Подобную лакуну в наших знаниях об этой странице истории Египетского похода я и попытаюсь заполнить настоящей статьей, постаравшись проследить все перипетии сражения не по какому-либо одному документу, как это делалось до сих пор, а по широкому ряду источников как официального, так и личного происхождения. В своей работе я использую оригинальный текст «Доклада» Клебера, опубликованный

¹ Rapport fait au Gouvernement français des événemens qui se sont passés en Egypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII. Kair, s.d.

² Mémoires du Maréchal Berthier. Pt. 1: Campagne d'Egypte. P., 1827. P. 386–433.

³ См., например: *Голицын Н.С.* Всеобщая военная история новейших времен. СПб., 1874—1875; Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915.

⁴ Delaître F. La bataille d'Héliopolis: 20 mars 1800. Allonzier-la-Caille, 2011.

А. Лорансом по хранящейся в Военном архиве (Венсенн) рукописи¹; «Подробный отчет о сражении при Гелиополисе и осаде Каира», который был составлен по горячим следам в штабе Восточной армии и ныне также находится в Венсенне²; хранящиеся там же сводки численности французских частей, участвовавших в битве; и, наконец, свидетельства очевидцев сражения: английского дипломата Дж.П. Морье, французского кавалерийского офицера Н.Ф. Девернуа; офицера полка дромадеров Ш. Франсуа, начальника штаба французской артиллерии Ж.П. Догеро, офицера инженерных войск Э.Л. Малюса де Митри, офицера конной артиллерии Ш. Ришардо.

Между войной и миром

Военные и дипломатические события, предшествовавшие битве при Гелиополисе, неоднократно и достаточно подробно освещались в научной литературе³, что избавляет нас сейчас от необходимости их подробного анализа. Тем не менее позволю себе кратко о них напомнить, чтобы показать, в каком военно-политическом контексте Клебер дал это сражение.

Вынужденно приняв командование Восточной армией, Клебер быстро обнаружил, в каком плачевном состоянии он получил дела от предшественника, результатом чего и стало вышеупомянутое письмо Директории. В бюджете оккупационной администрации образовался гигантский дефицит в 10 млн франков, из которых 4 млн составляли долги по жалованию солдат и офицеров⁴. Не на что было закупать продовольствие, обувь и форму. Моральный дух армии неуклонно снижался. Этому способствовала и направленная на французских военнослужащих пропагандистская кампания, которую тонко вел английский уполномоченный в этой части Средиземноморья командор Сидней Смит. Руководя с линейного корабля «Тигр» блокадой египетских портов, он позволял доставлять в Египет только ту европейскую прессу, где сообщалось о неудачах французских армий в Европе и о трудностях Французской республики

Между тем «прощальная» победа Бонапарта над османами под Абукиром отнюдь не устранила внешней угрозы для французских войск в

¹ Rapport fait au gouvernement français des événements qui se sont passés en Egypte, depuis la conclusion du traité d'El-Arych, jusqu'à la fin de prairial an VIII // Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р., 1995. Далее – Rapport.

² Rapport détaillé sur la bataille d'Héliopolis et sur la siège du Kaire – Service Historique de la Defense. Département de l'armée de terre (SHD/DAT). В⁶ 42. Далее – Rapport détaillé.

³ См., например: *Laurens H*. L'expédition d'Egypte 1798–1801. P. 321–370.

⁴ Ibid. P. 326.

Египте. В Средиземном море к британскому и турецкому флотам добавилась русская эскадра адмирала Ф.Ф. Ушакова, а в Сирии сам великий визирь Османской империи Юсуф-паша собрал огромную армию для вторжения в Египет по суше. Вместе с ним планировали вернуться ранее бежавшие оттуда мамлюки во главе с Ибрагим-беем, одним из двух своих наиболее влиятельных предводителей. Другой видный вождь мамлюков – Мурад-бей – вел партизанскую войну против французов в Верхнем Египте.

Уже в сентябре 1799 г. Клебер предпринял энергичные усилия, чтобы привести в порядок финансовую систему армии и повысить собираемость налогов, для чего провел радикальную административную реформу, усилив централизацию управления. Начальный период его командования ознаменовался также некоторыми военными успехами: в сентябре французы нанесли тяжелое поражение отрядам Мурад-бея в Фаюме, а в октябре генерал Вердье уничтожил турецкий десант, высадившийся возле Дамьетты. Тем не менее ситуация оставалась крайне сложной из-за падения дисциплины и боевого духа армии. Так, сразу после победного сражения под Дамьеттой участвовавшие в нем части взбунтовались, требуя выплаты задолженности по жалованью.

Опасаясь, что деградирующие буквально на глазах войска не смогут противостоять вторжению полчищ великого визиря, Клебер обратился к последнему с предложением начать переговоры. Следуя примеру Бонапарта, который, будучи в 1797 г. всего лишь командующим Итальянской армией, подписал мир с австрийцами от имени всей Франции, Клебер предложил визирю договариваться ни больше ни меньше как о мире между Францией и Османской империей и о заключении ими союза против России. Однако полученные в конце октября письма от Юсуф-паши и С. Смита известили, что турки и англичане готовы обсуждать с ним только условия эвакуации французской армии из Египта. 10 ноября Клебер дал согласие на открытие переговоров по этой теме¹.

Стороны условились, что переговоры пройдут на «Тигре», и 13 декабря французские представители дивизионный генерал Л.Ш.А. Дезе и главный финансист армии Ж.Б. Пусьельг прибыли в Дамьетту, чтобы взойти на борт британского корабля.

Тем временем армия великого визиря продолжала движение и 22 декабря осадила французский форт Эль-Ариш, являвшийся «воротами в Египет». Тут-то и сбылись худшие из опасений Клебера. После нескольких дней успешного сопротивления часть гарнизона, поддавшись на ан-

¹ Laurens H. L'expédition d'Egypte 1798–1801. P. 336-341.

глийскую пропаганду, потребовала от коменданта капитуляции. Когда тот отказался и вынудил колебавшихся продолжать сопротивление, те 29 декабря открыли ворота туркам. Те, ворвавшись в крепость, устроили настоящую бойню, в которой погибло более 200 французов — весьма чувствительная потеря для небольшой армии, не имевшей возможности получать подкрепление.

А положение продолжало ухудшаться. В январе 1800 г. поднял мятеж гарнизон Александрии. Каир оказался под угрозой со стороны прорвавшихся из Верхнего Египта отрядов Мурад-бея. Клебер попросил своих представителей на переговорах форсировать выработку соглашения. В результате французские и турецкие представители 23 января подписали договор в присутствии С. Смита неподалеку от Эль-Ариша. Клебер ратифицировал этот документ 27-го.

Согласно Эль-Аришскому соглашению французская армия через три месяца покидала Египет на турецких судах, которые должны были перевезти ее со всем вооружением во Францию. На этот период объявлялось перемирие. Документ предусматривал четкий график передачи турецкой стороне французских фортов на пути армии великого визиря к Каиру: Салихии – на 8–10-й день после ратификации, Бельбейса – на 20-й, а самой египетской столицы – на 40-й, самое позднее – на 45-й.

Уже после подписания договора Клебер узнал из пропущенных С. Смитом в Египет европейских газет, что его предшественник по командованию Восточной армией, Наполеон Бонапарт, совершил в Париже государственный переворот и теперь в качестве Первого консула возглавляет Французскую республику. 5 марта 1800 г. в Каир прибыл М.В.Н. Латур-Мобур, адъютант Бонапарта, с официальным известием о произошедших во Франции переменах. Отныне Клебер должен был постоянно учитывать, что за каждое свое действие ему по возвращении на родину придется держать ответ перед тем, чью политику в Египте он публично осудил и чье пожелание сохранить власть французов над этой страной нарушил, заключив соглашение об эвакуации армии.

Первое время реализация Эль-Аришского соглашения осуществлялась сторонами в полном соответствии с графиком. Армия визиря заняла Салихию, Бельбейс и вышла на ближние подступы к Каиру. Французы разоружили каирские форты и готовились оставить город, как только прибудут их войска из Верхнего Египта. З марта во Францию был отправлен в соответствии с предварительной договоренностью корабль, который должен был доставить известие о заключении соглашения. На

¹ Текст его неоднократно публиковался в научной литературе. См., например: Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 541–547.

нем отбыли Л.Ш.А. Дезе, Л.Н. Даву, А.Ж.М.Р. Савари и ряд других старших офицеров.

Однако 10 марта ситуация резко изменилась после того, как Клебер получил письмо от С. Смита. Тот, выступив посредником в заключении Эль-Аришского соглашения, считал для себя делом чести его реализацию, а потому предупреждал Клебера о том, что командующий английским флотом на Средиземном море адмирал Кейт, руководствуясь инструкциями от английского правительства, составленными еще в ноябре, отказывается пропустить французскую армию на родину и готов вывезти ее личный состав из Египта только в качестве пленных. Копия соответствующего письма адмирала прилагалась.

Получив это предупреждение, Клебер отправил парламентеров к великому визирю, предложив ему отвести армию от Каира и заморозить реализацию Эль-Аришского соглашения до тех пор, пока не будет получено разрешение адмирала Кейта на свободную эвакуацию. Визирь ответил, что Каир должен быть передан туркам не позднее чем через 8 дней, а французы могут в Гизе, на противоположном от Каира берегу Нила, дожидаться решения Кейта. Для Клебера подобное решение было абсолютно неприемлемым, так как французской армии предлагали встать лагерем в пустыне, где ее снабжение полностью зависело бы от доброй воли неприятеля. Поэтому, не прерывая переговоров и продолжая тянуть время, французский командующий развернул бешеную активность, готовясь к возобновлению военных действий.

Из дельты Нила была отозвана тяжелая артиллерия для вооружения вновь фортов Каира. На тайных переговорах с Мурад-беем удалось заручиться его обещанием соблюдать нейтралитет в предстоящем столкновении, за что этот предводитель мамлюков получал право на управление Верхним Египтом в качестве французского вассала.

С прибытием французских частей из Верхнего Египта все имевшиеся у Клебера войска оказались собраны в кулак, и 18 марта командующий издал приказ по армии, ознакомив ее состав с текстом письма адмирала Кейта и от себя добавив: «Солдаты, на такое дерзкое послание мы можем ответить только победой. Готовьтесь к бою». Его обращение буквально наэлектризовало армию. Разъяренные вероломством англичан, которые разом лишили их надежды на скорое возращение домой, солдаты рвались в бой.

19 марта военный совет французской армии принял план наступления. Визирю было отправлено извещение о возобновлении военных действий. Тот ответил призывом единоверцев к джихаду. Главным аргументом в споре теперь становилось оружие.

Силы сторон

О количестве принявших участие в сражении мы можем судить только по косвенным данным. Причем, как ни странно, это относится даже к французской армии, где обычно учет личного состава производился на постоянной основе и где регулярно составлялись штабные сводки (situations) о его количестве. Однако для периода, непосредственно предшествовавшего возобновлению военных действий, таких документов по армии в целом у нас нет. Вероятно, с началом подготовки к эвакуации армии из Египта, когда практически все части пришли в движение, сбор подобных сведений представлял определенную сложность, либо штабу тогда было просто не до этого.

Из источников, наиболее близких по времени к битве при Гелиополисе, в нашем распоряжении имеются сводки только о личном составе частей, расквартированных в Каире и его окрестностях. Такие документы ежедневно составлялись штабом до начала марта 1800 г. Последний из них был подготовлен в ночь с 5-го на 6-е¹. Этот источник дает нам определенное представление о численности воинских частей, принявших через две недели участие в сражении при Гелиополисе, но представление далеко не полное. В сводку не попали данные о тех подразделениях указанных частей, которые дислоцировались в окрестностях Каира, и о войсках, шедших из Верхнего Египта.

Гораздо более широкое, хотя тоже достаточно приблизительное, представление о количественном составе французских частей, участвовавших в сражении при Гелиополисе, мы можем получить из двух других документов, составленных соответственно за полгода до сражения и через два месяца после него.

Первый – краткая справка от 25 сентября 1799 г. о количестве «находящихся под ружьем» офицеров и солдат различных частей Восточной армии², то есть об их списочном составе. И хотя данный документ был подготовлен задолго до сражения, содержащиеся в нем цифры едва ли могли в дальнейшем радикально измениться. С одной стороны, не было никаких оснований для их существенного увеличения, поскольку блокированная в Египте армия не получала подкреплений из метрополии. С другой – в указанный период этими частями активных военных действий не велось, что исключало значительные потери в них. Разумеется, постоянно имела место некоторая убыль личного состава из-за болезней и мелких стычек с местным населением, которая

¹ Place du Kaire. Situation de la garnison, du 14 au 15 ventose 8e année de la République Française [5–6 mars 1800] – SHD/DAT. B6 189.

² État des forces de l'armée en presents sous les armes, le 3 vendemaire (sic!) an 8^e – SHD/DAT. B⁶ 187.

лишь частично компенсировалась возвращением в строй людей из госпиталей.

Другой наш источник – развернутая сводка численности личного состава Восточной армии от 24 мая 1800 г.¹. Ниже в таблице представлены данные о военнослужащих, реально несших строевую службу, а в круглых скобках – об общем списочном составе различных частей (включая лиц, находившихся в депо², в госпиталях и плену). Разумеется, на эти цифры повлияли потери французов в ходе весенней кампании 1800 г., начавшейся сражением при Гелиополисе и закончившейся подавлением второго Каирского восстания. Однако, принимая во внимание то, что такие потери были относительно невелики (об этом речь ниже), эти данные тоже могут дать нам примерное представление о количестве французских участников сражения при Гелиополисе.

ПЕХОТА	25 сентября 1799 г.	5–6 марта 1800 г.	24 мая 1800 г.
13-я линейная полубригада	1138	762 (762) ³	820 (10514)
85-я линейная полубригада	1120	891 (1122)	1171 (12465)
9-я линейная полубригада	1138	729 (932)	1048 (10886)
22-я легкая полубригада	933	499 (1015)	782 (976 ⁷)
61-я линейная полубригада	1030	3288 (581)	1153 (13099)
75-я линейная полубригада	1133	671 (786)10	1120 (133211)
21-я легкая полубригада	1412	нет данных ¹²	1334 (180713)

¹État de la situation des troupes composant l'Armée d'Orient au 5 praireal (sic!) an 8e Rep. -SHD/DAT. B6 188.

²Депо – учебные подразделения. В условиях Египетского похода, где приток новых рекрутов отсутствовал, использовались для восстановления военнослужащих, вернувшихся из госпиталей.

³ Первое число – количество несущих службу, второе (в круглых скобках) – число находящихся под ружьем.

⁴ 185 чел. – в депо, 21 – в госпиталях, 25 – в плену.

⁵ 37 чел. – в депо, 38 – в госпиталях.

^{6 40} чел.- в госпиталях.

⁷ 89 чел. – в депо, 105 – в госпиталях.

⁸ Данные по дислоцированным в Каире 1-му и 2-му батальонам этой бригады. В Гизе на 15 февраля в ее депо находилось 75 чел. – 190 (308) чел., по сведениям от 15 февраля, дислоцировалась в Гизе. – Place de Gizet, 15 février 1800 – SHD/DAT. В6 189.

⁹ 82 чел. – в депо, 74 – в госпиталях.

¹⁰ Данные по дислоцированным в Каире 2-му и 3-му батальонам этой бригады. 1-й батальон этой бригады в составе 190 (308) чел., по сведениям от 15 февраля, располагался в Гизе.

¹¹ 62 чел. – в депо, 150 – в госпиталях.

 $^{^{12}\;}$ В сводке по Каиру данных об этой бригаде нет, но в Гизе 15 февраля в ее депо находился 31 чел..

¹³ 321 чел. – в депо, 147 – в госпиталях, 5 – в плену.

88-я линейная полубригада	1107	27 (55)1	911(1170²)
25-я линейная полубригада	1202	нет данных	1 063 (1308³)
ИТОГО	10 213	3907 (5 253)	9402 (11 287)

Таким образом, во французских пехотных подразделениях, принимавших участие в битве при Гелиополисе, за полгода до сражения находилось под ружьем 10 213 солдат и офицеров, а через два месяца после сражения — 11 287, из них несли службу 9402 чел. То, что итоговые майские цифры существенно превосходят сентябрьские, несмотря на все случившиеся за полгода потери, объясняется тем, что сентябрьская сводка не учитывала откомандированных в другие места, а также — находившихся к моменту предоставления данных в депо и в госпиталях. В майских же подсчетах откомандированные включены в число несших службу. Число таких откомандированных могло колебаться весьма значительно: например, по майским данным, их в 65-й полубригаде насчитывалось 26 человек, а в 85-й — 987, или соответственно — 2% и 84% от числа несших службу.

Тем не менее, исходя из указанных данных, с известной долей приближения мы все же можем оценить численность французских пехотных подразделений под Гелиополисом примерно в 9,5–10 тыс. человек.

Для сравнения заметим, что офицер конной артиллерии III. Ришардо, практически единственный из участников сражения, кто попытался в своих мемуарах произвести точный подсчет сил французской армии оценивает количество пехоты в 10 800 чел. Однако эту цифру он получил, исходя из посылки, что численность каждой полубригады должна была составлять 1200 чел., чего, как мы видели, никогда, за исключением 21-легкой полубригады, на практике не было.

Опираясь на те же документы, определим приблизительную численность французской кавалерии, участвовавшей в сражении.

КАВАЛЕРИЯ	25 сентября 1799 г.	5-6 марта 1800 г.	24 мая 1800 г.
22-й конно-егерский полк	329	212 (294)	301 (3165)
7-й гусарский полк	279	265 (312)	314 (3226)

Данные по дислоцированному в Каире отдельному отряду военнослужащих этой бригады. В Гизе на 15 февраля в ее депо находилось 6 чел.

² 167 чел. – в депо, 92 – в госпиталях.

³ 83 чел. – в депо, 162 – в госпиталях.

⁴ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie. P., 1848. P. 238.

⁵ 15 чел. – в госпиталях.

 $^{^{6}}$ 8 чел. – в госпиталях.

3-й драгунский полк	273	235 (279)	299 (306¹)
14-й драгунский полк	264	292 (359)	354 (367²)
Полк дромадеров	208	199 (289)	318 (3323)
Конные гиды ⁴	55	нет данных	45 (63 ⁵)
ИТОГО	1408	1203 (1533)	1631 (1706)

И хотя здесь, в отличие от данных по пехоте, разрыв между сентябрьскими, мартовскими и майскими цифрами существенно меньше, последние также превосходят предыдущие, несмотря на все потери в прошедшую кампанию. Причина, очевидно, в том, что данные сентября и марта не учитывают откомандированных из этих частей в другие места. В мае число таковых для кавалерийских полков довольно значительно: от 25 чел. из 7-го гусарского до 156 из полка дромадеров, то есть соответственно от 8% до 49% несших службу.

Таким образом, с известной долей приближения мы можем оценить количество французской кавалерии в сражении при Гелиополисе примерно в 1,5 тыс. чел.

Уже упомянутый выше Ришардо определил численность полков французской кавалерии в 2800 чел. плюс еще 120 чел. полка дромадеров и 65 конных гидов, то есть в сумме — 2985 чел. Однако если его данные по дромадерам и гидам близки к нашим, то количество остальной кавалерии выглядит, на мой взгляд, явно завышенным. Во-первых, автор неправомерно включает в число участников сражения 15-й, 18-й и 20-й драгунские полки, а во-вторых, исходит из посылки, что каждый полк насчитывал 400 чел., чего на практике, как мы видим, никогда не случалось.

В составе французской армии под Гелиополисом находилось также некоторое количество саперов, численность которых, пусть даже приблизительную, установить еще сложнее, ибо, судя по вышеупомянутым документам, значительная часть представителей этого вида войск обычно была прикомандирована к другим подразделениям. Впрочем, в количественном отношении они составляли в армии незначительное меньшинство. Так, на 25 сентября 1799 г. в батальоне саперов под ружьем находилось 670 чел. Тот же батальон 24 мая 1800 г. насчитывал по списку

¹ 7 чел. – в госпиталях.

² 13 чел. – в госпиталях.

³ 14 чел. – в госпиталях.

⁴ Гиды – французская легкая кавалерия, составлявшая эскорт командующего армией в Итальянских 1796–1797 гг. и в Египетской кампаниях.

⁵ 14 чел. – в депо, 4 – в госпиталях.

⁶ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 238.

712 чел., из которых службу несли 493 чел.¹, но при этом подавляющее большинство последних — 382 чел. (77,5%) было в тот момент прикомандировано к другим частям. Очевидно, при оценке числа саперов, которые могли участвовать в сражении при Гелиополисе, нужно исходить, прежде всего, из имеющихся у нас данных по войскам, находившимся на начало марта в Каире. Соответствующая сводка зафиксировала пребывание там под ружьем 187 саперов, из которых службу несли 154. Если даже предположить, что военнослужащие этого рода войск были прикомандированы еще к каким-либо частям в окрестностях египетской столицы, то все равно общее их количество под Гелиополисом едва ли превышало 200 чел. Впрочем, тот же Ришардо дает значительно меньшую цифру — 60 чел.²

И, наконец, артиллерия. В сентябре 1799 г. личный состав этого рода войск в Восточной армии насчитывал 2768 чел. Однако 20 марта 1800 г. далеко не все они могли находиться на поле сражения при Гелиополисе, поскольку артиллерия входила также в состав французских гарнизонов Александрии, Розетты и Каира. Некоторое представление о территориальном распределении артиллерийских частей можно получить из уже известной нам майской сводки. Конная артиллерия на 24 мая базировалась в Каире и в его пригороде Булаке, пешая – там же и еще в Гизе, то есть тоже поблизости от египетской столицы. А вот местом пребывания морской артиллерии, которая после гибели французской эскадры при Абукире использовалась в крепостях, и вспомогательного личного состава артиллерийских частей сводка указывает Гизу, Александрию, Бельбейс и «другие места». Поскольку данный документ зафиксировал дислокацию французских частей фактически сразу после окончания кампании против армии великого визиря и подавления второго Каирского восстания, логично предположить, что в соответствующих операциях принимали участие все те войска, которые к этому моменту находились в районе театра боевых действий – в окрестностях Каира. К таковым следует отнести всю конную артиллерию (278 чел. личного состава по списку или 236 в строю³) и большую часть пешей артиллерии. Личный состав последней насчитывал 687 чел. по списку или 652 в строю⁴, но из них 170 чел. были откомандированы «в разные места». Таким образом, к концу кампании на театре боевых действий в строю находилось 482 чел. из состава пешей артиллерии. Но сколько из них участвовало в сражении при Гелиополисе и сколько в тот же самый момент оборонялось в Каире?

¹ 79 чел. находились в депо, 140 – в госпиталях.

² Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 238.

³ 36 чел. – в депо, 5 – в госпиталях, 1 – в плену.

⁴ 17 чел. – в депо, 18 – в госпиталях.

В составленной французским штабом накануне сражения — 20 марта 1800 г. — справке о численности и составе войск, остававшихся в Каире (всего 1965 чел.), после того, как основные силы Восточной армии выступили против великого визиря, отмечено пребывание в Гизе 130 артиллеристов¹. Вполне вероятно также, что и в Цитадели Каира попрежнему оставались те 36 пушкарей, которые в начале марта обслуживали ее орудия². К сожалению, нам неизвестно, сколько артиллеристов находилось в других местах наибольшей в тот момент концентрации французских сил в Каире — в форте Сулковский и на ферме Ибрагим-бея, но едва ли их число было большим, чем в Цитадели — ключевом пункте для огневого контроля над городом³. Впрочем, обслуживать орудия фортов частично могли и морские артиллеристы, каковых к началу февраля, за полтора месяца до возобновления военных действий, насчитывалось в Каире 43 чел.4

Итак, после ухода 20 марта 1800 г. основных сил французской армии из Каира в городе, скорей всего, осталось где-то 160–190 чел. личного состава пешей артиллерии. Следовательно, в сражении при Гелиополисе могло принять участие около 300 их сослуживцев. Добавим сюда такое же число вспомогательного персонала (оно соотносилось в армии с количеством собственно артиллеристов как 1:15), а также вышеупомянутое число военнослужащих конной артиллерии, в результате чего общее количество артиллеристов, участвовавших в сражении при Гелиополисе, получится где-то около 800 чел. Но это по самой приблизительной прикидке. Если же исходить из сведений Ришардо о том, что в сражении приняло участие только 5 рот артиллерии — 3 конных и 2 пеших, а уставной состав каждой артиллерийской роты составлял 65 чел., то получается еще меньшая цифра — 325 чел. плюс 180 чел. вспомогательного персонала, что в сумме дает 505 чел. 6

¹ État des troupes restées au Kaire, dans les forts et à Gizéh à l'époque du 29 ventose départ de l'Armée pour aller combattre le Grand-Vizir -SHD/DAT. B6 189.

² Place du Kaire. Situation de la garnison, du 14 au 15 ventose 8e année de la République Française.

³ Так, по данным на 21 ноября 1799 г., в Цитадели находилось 40 орудий разных калибров, тогда как в форте Сулковский и на ферме Ибрагим-бея лишь по 5. (Situation du personnel et du materiel de la direction d'artillerie du Kaire au 30 brumaire an 8 – SHD/DAT. В6 189). Разумеется, к концу марта 1800 г. количество орудий могло измениться, особенно после их временной эвакуации, а затем возвращения обратно на укрепления, но соотношение едва ли существенно поменялось, ведь Цитадель по-прежнему оставалась важнейшей для контроля над городом позицией.

⁴ Place du Kaire. Situation de la garnison, du 19 au 20 nivose 8e année de la République Française [8–9 février 1800] – SHD/DAT. B6 189.

⁵ См.: État de la situation des troupes composant l'Armée d'Orient au 5 praireal (sic!) an 8e Rep.

⁶ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 238.

Теперь нам остается сложить все полученные по родам войск цифры, что нам даст в сумме примерно 12,5–13 тыс. солдат и офицеров. Ими, очевидно, и располагал Клебер, атакуя армию великого визиря. Заметим попутно, что полученное нами в результате всех подсчетов число несколько превосходит приведенное в работе Ф. Делэтра – 10 тыс. Правда, этот автор не указал, на чем именно он основывался в своих подсчетах. Соответствующая же цифра, указанная в воспоминаниях Ришардо, – 14 350 чел. – выглядит неправдоподобно высокой, поскольку, как мы видели, он почти в два раза завысил количество французской кавалерии².

Все упомянутые нами сводки не содержат сведений о числе артиллерийских орудий, находившихся на вооружении французской армии. По оценке офицера инженерных войск Э.Л. Малюса де Митри (1775–1812), оно составляло 50 стволов³, однако Ришардо, попытавшийся в своих воспоминаниях о сражении при Гелиполисе представить, как мы увидим далее, точную роспись расстановки орудий в боевой линии французской армии, приводит несколько меньшую цифру: «Всего 30 орудий линейной артиллерии. Плюс несколько 4-фунтовых орудий, приписанных к полубригадам и находящихся в резерве, в парке артиллерии»⁴. Итого, видимо, не больше 40.

Еще более приблизительны наши представления о численности турецкой армии. Если количество французских войск можно установить с погрешностью в 1-2 тыс. чел., то в отношении турок приходится допускать погрешность в десять раз бо́льшую. Сам Клебер в вышеупомянутом «Докладе» так охарактеризовал неприятеля: «...Почти все донесения, которые мы получили, определяли численность этой армии в 80 тыс. чел., но некоторые – только в 60 тыс.»

Разумеется, от противника трудно ожидать большей точности: ему приходится оценивать силу оппонента на глазок. Гораздо ценнее была бы соответствующая информация с другой стороны фронта. Однако если какая-то подобная статистика в турецкой армии и существовала, то в научный оборот никогда она не вводилась. А потому единственным доступным для нас источником со стороны представителей антифранцузской коалиции являются записки англичанина Дж.П. Морье, личного секретаря британского посла в Константинополе лорда Элджина. По заданию своего патрона Морье сопровождал великого визиря в походе на

¹ Delaître F. Op. cit. P. 37.

² Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 238.

³ L'Agenda de Malus. Souvenirs de l'expédition d'Égypte / Publié et annoté par le général Thoumas. P., 1892. P. 169.

⁴ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 242.

⁵ Rapport. P. 736.

Египет и стал очевидцем разгрома османов под Гелиополисом. Свои записки он опубликовал по горячим следам событий, уже в 1801 г. 1, благодаря чему последующие интерпретации происшедшего не успели наложить отпечаток на их содержание. Правда, порой у автора прорывается явное раздражение в адрес незадачливого союзника, в течение месяца потерявшего армию и Египет, но подобный источник просто по определению не может быть полностью свободен от субъективизма. Возможно, информативность этих записок была бы значительно выше, если бы их составлял военный человек, а не такой сугубо штатский субъект, впервые увидевший армию вблизи, каким, по его собственному признанию, был Морье². Тем более что ему приходилось довольствоваться сугубо внешними впечатлениями, поскольку турецкое командование с подозрением относилось к пытавшимся задавать вопросы «ради получения информации как таковой» и избегало делиться с ним подробностями³. Тем не менее другого источника «с той стороны» у нас нет.

Итак, слово Морье: «Два обстоятельства делают весьма затруднительным точное определение реальной силы турецкой армии: первое – невероятное число тех, кто следует за ней с любыми намерениями, кроме участия в бою, и кого сложно отличить от солдат; второе – широко распространенная среди командиров отдельных частей практика указывать на бумаге больше людей, чем реально находится под их началом, дабы получить дополнительные порции провианта для них и фуража для их лошадей. Когда я присоединился к армии [31 января $1800 \, \text{г.} - A. \, 4. \, 1$], говорили, что она насчитывает $80 \, \text{тыс.}$ чел. Но из этого числа по справедливости вполне можно было бы вычесть половину за счет всевозможных бездельников. Только ставка великого визиря, включавшая в себя сопровождавших его лиц и министров, насчитывала до $10 \, \text{тыс.}$ чел.»⁴.

Из данных, приведенных Морье, более или менее определенными выглядят цифры 80 тыс. – общая численность турецкой армии, о которой англичанину сообщили по прибытии в ставку великого визиря, где, по свидетельству того же Морье, все же велся определенный учет личного состава для определения норм снабжения отдельных частей продовольствием и фуражом. Остальные прикидки сделаны им явно на глазок. Так же как и проскользнувшая в его рассказе о сражении при Гелиополисе

¹ Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. L., 1801.

² Ibid. P. 4-5.

³ Ibid. P. 5-6.

⁴ Ibid. P. 29-30.

оценка основных сил турецкой армии в 40 тыс. чел.: «К полудню [после разгрома турецкого авангарда. — $A.\,Y.$] французы начали линией продвигаться вперед. Турецкая армия являла собою зрелище полного смятения. Можно было видеть, как сорок тысяч человек, практически не вступив в бой, пустились бежать во все стороны; великий визирь во главе своих приближенных не раз пытался остановить эту трусливую чернь, но тщетно» Pasyмеется, от автора столь эмоционально насыщенного повествования трудно ожидать скрупулезной точности в цифрах. Однако какие-то приблизительные ориентиры он нам дает.

Отметим, что приведенные Морье цифры общего количества людей в турецкой армии совпадают с верхним пределом тех оценок, о которых доносили Клеберу и о которых тот сообщил в своем «Докладе». Так что вполне возможно, именно столько – примерно 80 тыс. чел. – и пришло во главе с великим визирем в Египет. И пусть даже половина из них, если верить Морье, действительно не представляла собой реальной боевой силы, необходимо учесть, что после вступления на египетскую землю армия визиря получила пополнение. Как сообщает Клебер, когда французы отказались эвакуировать Каир, Юсуф-паша разослал приказ оджаклисам – военным поселенцам, жившим в Египте и ранее подчинявшимся султану, прибыть в турецкий лагерь с лошадьми и оружием². Начальник штаба французской артиллерии, шеф батальона Ж.П. Догеро (1774–1826), свидетельствует: «Пока шли переговоры, визирь приказал доставить новую артиллерию из Эль-Ариша; он весьма умножил свои силы, призвав обитателей деревень, которые прибывали в его лагерь с оружием и знаменами; разослал по провинциям фирманы, где французы изображались неверными, врагами ислама, нарушителями соглашений. В том же духе он написал арабским племенам и назначив предводителей мятежников во всех городах, и особенно в Каире, Меалет-эль-Кебире и Танте, где не замедлили вспыхнуть восстания \gg^3 .

Нам, к сожалению, не известно, насколько именно удалось всеми этими мерами усилить турецкую армию в количественном отношении, но они, очевидно, не остались без результата. Французский офицер полка дромадеров III. Франсуа (1777–1853), сопровождавший парламентеров к визирю накануне возобновления военных действий, констатирует: «Равнина была покрыта призванными им крестьянами из провинций Шар-

¹ Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. L., 1801. P. 90.

² Rapport. P. 733.

³ Doguereau J.P. Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. de C. de La Jonquière. P., 1997. P. 153.

кия, Мансура, Гарбия, Менутия и Гелиобея, прибывавшими с оружием, поклажей и знаменами»¹.

И наконец, даже если бы мы приняли на веру сделанную Морье эмоциональную оценку основных сил визиря в 40 тыс., то с учетом авангарда под командованием Насуф-паши в деревне Матария и находившейся при нем кавалерии Ибрагим-бея общая численность турецкой армии все равно оказалась бы близка к 60 тыс. — нижнему пределу тех оценок, что содержались в «некоторых из рапортов», полученных Клебером.

Таким образом, не имея возможности установить точную численность турецкой армии, мы все же имеем основания констатировать, что даже по самым скромным оценкам она в количественном отношении как минимум в пять раз превосходила французскую.

Штурм деревни Матария

В ночь на 20 марта Клебер со своим штабом покинул Каир и в сопровождении конвоя конных и пеших гидов прибыл на равнину Куббэ, простиравшуюся к северу от города. Здесь уже располагалась часть его армии. Остальные войска подходили следом, занимая места в боевом порядке. Погода, как обычно в это время года, стояла ясная, и света луны оказалось достаточно, чтобы можно было перемещаться, не зажигая огня. В то же время ночь была не настолько светлая, чтобы противник заметил эти маневры². По свидетельству Ш. Франсуа, «каждый унтер-офицер и солдат имели по 60 патронов и горели желанием их использовать. [...] Все передвижения совершались в полнейшей тишине»³.

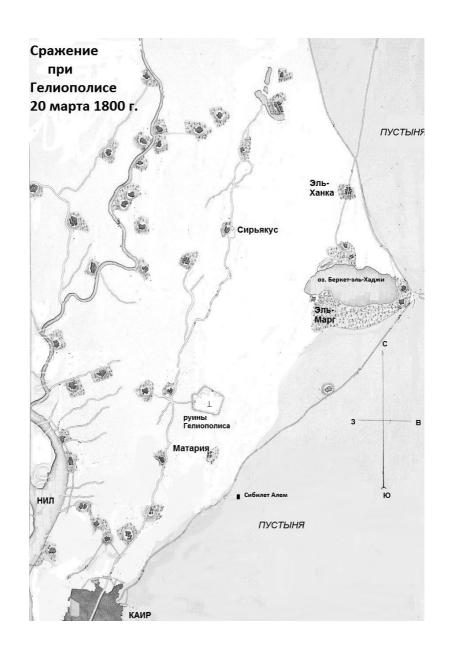
Левый фланг французской армии занимала 1-я дивизия под командованием генерала Ж.Л.Э. Рейнье. Каждая из двух ее бригад была построена в каре. Первая, располагавшаяся ближе к центру и находившаяся под командованием генерала А.Ж. Робена, состояла из 22-й легкой и 9-й линейной полубригады. Вторая, располагавшаяся левее нее и возглавлявшаяся генералом Ж. Лагранжем, — из 13-й и 85-й линейных полубригад. Глубина каждой из сторон каре составляла три человека. Внутри каре находились верблюды, груженные амуницией.

Позади левого фланга, во второй линии, находилось еще одно небольшое каре, выполнявшее роль резерва командующего. Его составляли два батальона 25-й линейной бригады. Здесь же располагалась артиллерия

¹ Journal du capitianee François, dit le dromadaire d'Égypte / Établie par Charles Grolleau. P., 2003. P. 359.

² Rapport. P. 734-735; L'Agenda de Malus. P. 169.

³ Journal du capitianee François. P. 362.



резерва под прикрытием нескольких рот гренадеров и саперов, вооруженных ружьями.

Правый фланг армии Клебера занимала 2-я дивизия генерала Л. Фриана. Две ее бригады также были построены в каре. Первая, под командованием генерала О.Д. Бельяра, включала в себя 21-ю легкую и 88-ю линейную полубригады и занимала правый край построения, практически на кромке пустыни. Вторая, которой командовал генерал Ф.К. Донзело, состояла из 61-й и 75-й линейных полубригад и располагалась ближе к центру.

Изнутри углы всех каре были усилены ротами гренадеров и карабинеров, которые в случае необходимости могли выйти из каре, образовав штурмовые колонны. Перед каре были развернуты несколько рот разведчиков.

Расстановку артиллерийских орудий в боевом порядке французской армии III. Ришардо описывает следующим образом: «В первой линии находилось 12 орудий: восемь 8-фунтовых пушек и 4 гаубицы, обслуживаемых двумя ротами конной артиллерии. Одна была придана правой дивизии, другая — левой. Располагались они так: по 2 перед правым флангом первого каре и по 2 перед левым флангом второго каре каждой из дивизий; и по 2 между каре обеих дивизий. Таким образом, между двумя дивизиями с фронта находилось 4 орудия. Во второй линии — 6 орудий, обслуживаемых ротой конной артиллерии, были приданы корпусу кавалерии; и 6, обслуживаемых ротой пешей артиллерии, прикрывали с фланга резервное каре. Еще 6 орудий с ротой пешей артиллерии находились в резерве в артиллерийском парке» 1.

Артиллерией командовал генерал Н.М. Сонжис, саперами – генерал Н.А. Сансон.

Центр занимала кавалерия под началом генерала П. Леклерка: в первой линии — 22-й конно-егерский и 7-й гусарский полки, во второй — 3-й и 14-й драгунские полки. На флангах кавалерии размещалась конная артиллерия под прикрытием двух дивизионов полка дромадеров².

Около трех часов ночи, по приказу Клебера, французская армия начала движение к позициям неприятеля.

Основные силы великого визиря стояли лагерем в селении Эль-Ханка, на расстоянии четырехчасового перехода от Каира (4 лье³). Выдвинутый вперед авангард под командованием Насуф-паши в составе 5-6 тыс. отборных янычар, 16 орудий и большого кавалерийского отряда укрепился в деревне Матария в двухчасовом переходе от города (2 лье⁴).

¹ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 242.

² Rapport. P. 735; Rapport détaillé. P. 5-6; L'Agenda de Malus. P. 169.

³ Journal du capitiane François. P. 357. 1 сухопутное лье = 4445 м.

⁴ Ibid. P. 359.

Через Матарию цепочка турецких аванпостов тянулась от берега Нила до мечети Сибилет Алем¹.

К рассвету правое крыло французской армии подошло к мечети Сибилет Алем, где располагался передовой отряд неприятеля в 500—600 всадников, и артиллерийским огнем вынудило его к отступлению. Ш. Франсуа, вместе с другими дромадерами сопровождавший конные орудия, так описывает этот эпизод: «Наша легкая артиллерия [...] выстрелила из пушки по этому авангарду, убив командовавшего им офицера. Отряд отступил в беспорядке»².

По словам артиллериста III. Ришардо, начать это сражение довелось именно ему: «Прибыли к святилищу Сибил Алем на краю пустыни, где пребывание аванпоста — большого отряда турецкой кавалерии, изготовившейся к бою, — обеспечило мне честь произвести первый в этот прекрасный день выстрел из орудия. Ядро и бомба, запущенные одновременно, попали в самую середину тех эскадронов, которые немедленно рассеялись»³.

А вот как тот же момент зафиксировал инженер Малюс:

«На восходе мы встретили аванпост у Сибилалем; по нему были произведены два орудийных выстрела, после чего он поспешно ретировался и отправился в лагерь великого визиря сообщить о нашем приближении. С первыми выстрелами по всей боевой линии [французской армии] от одного края до другого прокатился невнятный гул, подобный тому, что издают [в театре] многочисленные зрители при начале спектакля, с нетерпением ожидаемого ими. Армия продолжила движение вперед, следуя по краю пустыни. В шесть часов на горизонте уже можно было разглядеть передвижения многочисленной кавалерии. Несколько вражеских стрелков гарцевали перед нашим фронтом. В семь часов показалась Матария. Вокруг деревни можно было видеть множество натянутых палаток и толпу османов, снующих по лагерю»⁴.

Дивизия Рейнье приблизилась к деревне Матария и остановилась перед ней за пределами досягаемости турецкой артиллерии. Дивизия Фриана, продолжила движение вперед, оставляя Матарию в 500 туазах слева⁵, чтобы занять позицию между расположенными позади Матарии развалинами Гелиополиса и деревней Эль-Марг, где бы она могла взять

¹ Rapport. P. 731–735.

² Journal du capitiane François. P. 363.

³ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 239.

⁴ L'Agenda de Malus. P. 169-170.

⁵ Ibid. Р. 171. 1 туаз = 1,949 м.

под огневой контроль возможные пути отступления турецкого авангарда или подхода к нему подкреплений 1 .

До этого момента сведения «Доклада» Клебера не противоречат информации других источников. Однако далее возникают расхождения.

* * *

Возможно, в тот момент, когда дивизия Рейнье остановилась перед деревней Матария, случилась первая в тот день (но, как мы далее увидим, отнюдь не единственная) попытка одной из сторон вступить в переговоры. О ней в «Докладе» Клебера нет ни слова. Но в воспоминаниях кавалерийского офицера Н.Ф. Девернуа (1771–1859) соответствующий эпизод описан достаточно подробно.

Во время Египетского похода Девернуа, в будущем барон и генерал, служил младшим лейтенантом (sous-lieutenant) 7-го гусарского полка². В битве при Гелиополисе он командовал 4-м эскадроном гусаров, который был прикомандирован в тот день к отряду гидов для усиления охраны штаба. Таким образом, Девернуа находился в непосредственной близости от Клебера и, по собственному утверждению, наблюдал происшедшее воочию:

«На заре раздался первый холостой выстрел из пушки, за которым вскоре последовал ужасный шум в турецком лагере. После второго орудийного выстрела, также холостого, мы увидели, как пять или шесть турецких генералов подъехали галопом, попросив возможности поговорить с главнокомандующим французской армии. Приведенные к генералу Клеберу, эти генералы представились посланцами великого визиря, который поручил им поприветствовать его [Клебера], заверив в разделяемом всей турецкой армией восхищении и уважении тем, как он командует. Затем самый главный из этих генералов, довольно бегло говоривший пофранцузски, очень вежливо сообщил Клеберу, что Каир находится во власти его противников; что сопротивление небольшого французского войска отныне бесполезно и что подобная бравада лишь рассердит турецкую армию. Он закончил, предложив главнокомандующему сложить оружие и довериться милосердию великого визиря. Услышав столь дерзкие слова, напомнившие ему письмо адмирала Кейта, генерал-аншеф, охваченный гневом, стер бы турецкого генерала в порошок, если бы его не остановили и не напомнили об уважении, которое надо оказывать послам. Тем не менее, с трудом сдерживая ярость, он повторял: "Даровать милосердие мне!

¹ Rapport. P. 736.

² Cm. Meulenaere Ph., de. Bibliographie raisonnée des témoignages occulaires imprimés de l'expédition d'Égypte (1798–1801). P., 1993. P. 73.

...Ничтожество! ...Он скоро узнает, кому, ему или мне, оно потребуется. Немедленно возвращайтесь к тому, кто вас послал". Турецкие генералы не заставили повторять это дважды и умчались галопом. Я не пропустил ни слова, ни жеста из всей этой сцены»¹.

Хотя Девернуа писал свои воспоминания много лет спустя, в 1844 г.², едва ли он мог выдумать весь эпизод с таким количеством подробностей. Если бы рассказанное им было сугубо плодом его фантазии, то ничто не мешало бы ему дать ей волю и при описании всего сражения. Однако в изложении общего хода битвы он строго следует за текстом «Доклада» Клебера и отступает от него, только касаясь тех моментов, в которых участвовал лично, причем только о них повествует с упоминанием различных мелких деталей.

Факт предпринятой османами попытки вступить после первых выстрелов в переговоры подтверждается также начальником штаба французской артиллерии Ж.П. Догеро: «С началом канонады Насуф-паша прислал турецкого офицера, который под нашим огнем доехал почти до главнокомандующего, но тот отослал его обратно, не выслушав»³. Любопытно, что это – единственное расхождение в рассказе Догеро о сражении с текстом «Доклада». В день битвы этому офицеру очень нездоровилось: «В течение нескольких суток у меня был сильный жар, а с восьми часов предыдущего вечера я находился в седле. Я дико страдал весь день от жестокой головной боли...» ⁴ Неудивительно, что большинство событий того дня прошло мимо его внимания, и, описывая их позднее, он просто воспроизводил «Доклад» Клебера. Однако, находясь при штабе, Догеро не мог не заметить прибытия турецкого парламентера, если таковое имело место быть. И даже если в силу своего плачевного физического состояния он, вероятно, лично не присутствовал при разговоре с ним (откуда, возможно, и расхождение с версией Девернуа), то все же зафиксировал этот факт, о котором в «Докладе» не упоминается.

* * *

Дальнейшая перекрестная верификация источников позволяет, как будет ниже показано, уточнить или исправить изложенную в «Докладе» Клебера официальную версию еще по целому ряду аспектов, что, впрочем, неудивительно. Было бы чрезмерно оптимистично ожидать, что в документе, предназначенном для публикации во Франции, ход сражения

¹ Desvernois, général baron. Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. P., 2012. P. 153–154.

² Meulenaere Ph., de. Bibliographie raisonnée. P. 73.

³ Doguereau J.P. Journal de l'expédition d'Égypte. P. 156.

⁴ Ibid. P. 158.

получит абсолютно аутентичное отражение. Ведь на войне, где исход дела зависит от взаимодействия многих тысяч самых разных людей, действующих в экстремальной ситуации, всегда неизбежны те или иные просчеты, ошибки, недопонимание, пагубное или, напротив, счастливое вмешательство случая, а потому все, даже самые замечательные, планы практически никогда не выполняются так, как были изначально задуманы. Клебер же, составляя свой «Доклад», наверняка помнил о том главном, более чем квалифицированном, но и столь же пристрастном читателе, который будет знакомиться с его отчетом и от которого зависит его, Клебера, будущее, — о главе Франции, Первом консуле Наполеоне Бонапарте. Поэтому не стоит слишком строго судить командующего Восточной армией за стремление обойти молчанием или сгладить те аспекты, что могли быть истолкованы ему во вред.

Одним из таких наиболее щекотливых моментов в ходе сражения был прорыв части турецких войск в Каир. То, что его не удалось предотвратить, поставило французскую армию на грань катастрофы. С появлением мамлюков и турецких солдат в столице Египта полумиллионный город немедленно восстал против неверных. Та горсть французских солдат, что оставалась в Каире, — напомним, их было менее 2 тыс., — с огромным трудом удерживала несколько ключевых пунктов, но, разумеется, уже не могла контролировать весь город. Фактически Восточная армия лишилась тыловой базы и оказалась в оперативном окружении — в случае неудачного исхода сражения отступать ей было бы некуда.

Много лет спустя артиллерийский офицер Ш. Ришардо так скажет об этом в своих мемуарах: «Задают вопрос: "Как получилось, что Клебер не предвидел намерения визиря и не предусмотрел эффективных мер, дабы воспрепятствовать проникновению вражеских войск в Каир?" Насколько я знаю, на этот вопрос нет ответа, и мне самому нечего сообщить на сей счет, кроме того, что это была ужасная вещь»¹.

Вероятно, именно для предотвращения столь опасного поворота событий Клебер и предпринял обходной маневр правым флангом. Если бы дивизии Фриана удалось выйти в тыл турецкому авангарду, стоявшему в деревне Матария, и отрезать неприятелю пути отхода, то в окружении оказались бы уже османы: им оставалось бы только сдаться или быть уничтоженными.

Тем не менее прекрасно задуманный план не удался, и часть группировки противника все же прорвалась в Каир. Вот как это описано в «Докладе» Клебера:

¹ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 245.

«Пока осуществлялось такое продвижение [дивизии Фриана] я заметил, что отряд турецкой кавалерии и пехоты вместе со значительными силами мамлюков, сделав большой крюк по возделанным землям, направляется к Каиру. Гидам был дан приказ их атаковать. Они [враги], встретили атаку и, получая все новые подкрепления, окружили наших. Исход схватки был бы для нас печален, если бы 22-й конно-егерский и 14-й драгунский полки не пришли тотчас на помощь. После долгого и упорного боя враг обратился в бегство и, скрывшись по полям у нас из виду, продолжил движение к Каиру»¹.

При таком изложении событий прорыв выглядел как спланированная акция неприятеля, удавшаяся благодаря его значительному численному превосходству. Тем самым случившееся представлено как следствие непреодолимых обстоятельств.

Вместе с тем подобная версия оставляет осведомленного читателя в некотором недоумении. Если командующий французской армией действительно заметил начавшийся прорыв значительных сил неприятеля в сторону Каира, то почему приказ атаковать их получили только гиды, число которых, как мы ранее видели, не превышало пяти-шести десятков и даже с приданным им эскадроном гусаров едва ли было больше сотни? И то, что французские кавалеристы, столкнувшись с превосходящими силами неприятеля, немедленно оказались в критическом положении, из которого их пришлось выручать введением в бой дополнительных сил, не свидетельствует ли, скажем мягко, о недостаточной обдуманности данного им приказа?

Разрешить возникшее недоумение позволяет знакомство с гораздо менее известным, чем «Доклад» Клебера, архивным источником — с хранящимся в Венсенне «Подробном отчете о сражении при Гелиополисе и осаде Каира». Составленный по горячим следам событий, этот документ предназначался для внутреннего пользования и готовился без оглядки на мнение публики. В результате содержащееся там описание событий выглядит более логичным, хотя, быть может, и не столь героическим:

«Армия поднялась на возвышенность [деревни] Матария; левое крыло, которое должно было ее атаковать, открыло интенсивный артиллерийский огонь, чтобы выбить неприятеля. Толпа пеших людей выбежала оттуда и рванулась в поля левее нас, делая крюк, дабы выйти нам в тыл. Белый флаг над головами этой беспорядочной кучи народа

¹ Rapport. P. 736.

наводил на мысль, что это крестьяне идут просить пощады для своей деревни. Рота конных гидов была отправлена выяснить, что происходит, и доставить их флаг.

Как только гиды приблизились, из Матарии выехала колонна турецкой кавалерии, бросившаяся на помощь своим пехотинцам. Между гидами и [турецкими] кавалеристами завязалась схватка, в которой гиды, менее многочисленные, должны были потерпеть поражение. Отправленный им на помощь 22-й конно-егерский полк атаковал и рассеял турок. То же сделало резервное каре дивизии Рейнье, и поле боя в этом месте полностью осталось за нами»¹.

Уже знакомый нам гусарский офицер Девернуа, чей эскадрон был в тот день прикомандирован к отряду гидов, тоже принял участие в деле:

«Часть нашей кавалерии, в первых рядах которой находились гусары 7-го полка, бросилась преследовать врага, который, видя свое численное превосходство, принял бой, оказавшийся долгим и упорным. Наши кавалеристы были уже окружены, когда 22-й конно-егерский и 14-й драгунский полки примчались помочь им и вместе с ними ударили на врага, который обратился в бегство. Он оставил на поле боя сотню мертвых и примерно полторы тысячи пленных, из которых 940 тяжелораненых. В этом деле 7-й гусарский полк потерял еще четырех офицеров и двадцать шесть унтер-офицеров и рядовых, павших или тяжело раненных в рукопашной»².

Как видим, по версии «Подробного отчета», косвенно подтверждаемого свидетельством Девернуа о полном разгроме неприятеля на этом участке поля боя, речь шла не о прорыве к Каиру, а о попытке охвата французской армии с фланга. Противник применил бесчестный прием, выступив под белым флагом, из-за чего отправленные на разведку гиды и оказались окружены превосходящими силами неприятеля. Однако совместными действиями резервного каре и двух полков французской кавалерии последний был наголову разгромлен. Заметим, что об уходе в Каир спасшихся из переделки турок ни один из этих двух источников не упоминает.

Чем же объяснить появившееся в «Докладе» описание прорыва неприятеля к Каиру уже в самом начале боя? Ответ на этот вопрос нам даст перекрестный анализ источников, рассказывающих о штурме деревни Матария.

¹ Rapport détaillé. P. 6-7.

² Desvernois, général baron. Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. P. 155–156.

* * *

«Доклад» Клебера изображает взятие деревни Матария как следствие четкой реализации детально разработанного плана французского командования.

Для выполнения данной задачи от каждой из полубригад дивизии Рейнье были выделены по две роты гренадеров (от линейных полубригад) и карабинеров (от 22-й легкой). Роты из 13-й и 85-й линейных полубригад составили левую штурмовую колонну под началом Тарэйра, шефа батальона из 85-й полубригады. Правой колонной, составленной из рот 22-й легкой и 9-й линейной полубригад, командовал Реаль, капитан из 9-й полубригады. Далее в «Докладе» описывается сам штурм:

«Генерал Рейнье начал атаку Матарии. Предназначенные для этого роты гренадеров получили приказ захватить укрепления и выполнили его с храбростью, достойной похвалы. Когда они продвигались ускоренным шагом, невзирая на огонь вражеской артиллерии, янычары покинули свои окопы и с холодным оружием в руках бросились на левую колонну, но назад уже не вернулись. Остановленные с фронта беглым огнем, который непрерывно вела эта колонна, многие из них рухнули на месте. Оставшимся нанесла удар с фланга правая колонна, и, атакуемые со всех сторон, они вскоре пали под штыками. Рвы, наполнившиеся убитыми и ранеными, больше не служили препятствием для взятия укреплений. Знамена, артиллерийские орудия, бунчуки пашей, палатки – всё оказалось в наших руках. Часть их пехоты бросилась к домам, надеясь обороняться там. Но им не дали времени закрепиться: все они были перебиты или преданы пламени. Другие, кто попытался бежать из деревни Матария, пали под огнем дивизии Фриана. Оставшиеся были уничтожены или рассеяны атакой кавалерии»1.

Однако другие источники свидетельствуют, что всё складывалось отнюдь не так гладко, как это было представлено широкой публике, на которую рассчитан «Доклад». В «Подробном отчете» те же события выглядят гораздо более драматично, а потому и более реалистично:

«Основные силы [авангарда] врага находились в деревне и в садах Матарии. Был дан приказ об атаке.

Посыльные Насуф-паши, возглавлявшего турецкий авангард и мамлюков Эльфи-бея, прибыли к Клеберу с известием, что их начальник желает вступить в переговоры. Генерал-аншеф, который ранее разорвал со-

¹ Rapport. P. 736–737. Курсив мой. – А. Ч.

глашение о перемирии не по своей воле, решил предпринять еще одну попытку уладить дело миром и выслушать врага, не согласен ли тот отступить в Бельбейс, чтобы ждать там заключения нового соглашения. Ему и самому хотелось этого. Чтобы узнать о намерениях Насуф-паши, он отправил к нему одного из своих адъютантов, шефа бригады Бодо, с переводчиком.

Однако дивизия Рейнье уже начала атаку. Бригадный генерал Лагранж бросил вперед гренадеров и карабинеров, а один из батальонов дивизии Фриана двинулся к выходу из деревни, чтобы отрезать противнику пути отступления. Генерал [Клебер] приказал приостановить атаку. Но генерал Лагранж уже схватился с неприятелем и слишком продвинулся вперед, чтобы иметь возможность отступить. Лагерь [противника] был в нашем распоряжении, и гренадеры прорвались в деревню.

Враги произвели несколько орудийных выстрелов по нашим каре, но не попали. Тогда они бросились врукопашную с саблями наголо. [Наши] скрестили с ними штыки и открыли огонь шеренгами, обратив [неприятеля] в бегство.

Противник оставил деревню, за исключением садов, где засело до сотни турок.

Батальон дивизии Фриана, которому поставили задачу отрезать врагу пути отступления, а затем остановили приказом, видел, как турецкая пехота покидает деревню, но *не имел возможности этому помешать*.

Дивизия Рейнье захватила во вражеском лагере значительное число палаток, разбитых вокруг деревни без всякого порядка, и 17 орудий полевой артиллерии, развернутых в батарею на нескольких улицах. Дивизия потеряла от 8 до 10 человек убитыми и с 20 ранеными. 22-й конноегерский и конные гиды потеряли несколько человек во время атаки, совершенной ими в тылу каре.

Во время наступления часть вражеской кавалерии ушла, взяв правее нас, в пустыню, а часть покинувшей деревню пехоты бросилась левее нас к Каиру¹».

О том, что задуманный Клебером план окружения не удался (вопреки утверждениям «Доклада»), свидетельствуют и другие независимые источники. Так, инженер Малюс сообщает, что уже с началом французской атаки мамлюкская конница покинула деревню и, обойдя правый фланг французов по пустыне, ушла к Каиру, а значительное число турецкой пехоты и кавалерии отправились к городу в обход левого фланга дивизии Рейнье. Остальные бросились в Каир после того, как были вы-

¹ Rapport détaillé. P. 7–9. Курсив мой. – A. Ч.

теснены из Матарии, благо что путь отступления для них оставался своболным:

«Их [турок] пехота была смята в лагере и выбита из деревни. Она рассеялась по равнине, забирая влево, так как справа она попадала под огонь дивизии Фриана. Последняя двинулась, чтобы отрезать [врагу] пути отступления, но было уже слишком поздно. [...] Османы, изгнанные из Матарии и рассеявшиеся по равнине, направились к Каиру отрядом в 5–6 тыс. чел.»¹.

Ришардо, чья батарея действовала вместе с дивизией Фриана, подтверждает роковую задержку правого фланга:

«На правом фланге мы продвигались вперед, понемногу смещаясь влево, чтобы отрезать пути отступления окопавшимся в Матарии войскам. Но их окопы были поспешно покинуты; кавалерия, стоявшая в тылу, ретировалась с такой скоростью, уйдя по полям вправо [т.е. в обход левого фланга французов. — A. Y.], что мы не успели приблизиться на дальность артиллерийского выстрела»².

Как видим, намерение Клебера взять авангард противника в «клещи» не увенчалось успехом из-за того, что главнокомандующий, на мгновение увлеченный призраком надежды добиться отступления турок без кровопролития, в какой-то момент заколебался и приостановил движение войск. С субъективной точки зрения, его действия более чем объяснимы: Клебер, отличавшийся и в других своих кампаниях бережным отношением к жизням подчиненных, в условиях Египетского похода тем более стремился максимально избегать потерь, что отрезанная от метрополии французская армия практически не имела источников пополнения, но, напротив, постоянно терпела убыль из-за неблагоприятного для европейцев климата. Однако в тот конкретный момент, под Гелиополисом, его минутное колебание, пусть даже обусловленное самыми гуманными соображениями, обернулось негативными последствиями: вопервых, турецкие войска, сумевшие выскользнуть из приготовленного им «котла», прорвались в Каир, чего Клебер, планируя окружить войска Насуф-паши, явно хотел избежать; во-вторых, в плену оказался один из старших офицеров французской армии – шеф бригады Бодо.

Учитывая тот сложный для Клебера политический контекст, в котором составлялся «Доклад», едва ли нас должно удивить то, что генерал постарался максимально сгладить впечатление от своей промашки. Ве-

¹ L'Agenda de Malus. P. 171, 173. Курсив мой. – А. Ч.

² Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 239. Курсив мой. – А. Ч.

роятно, именно с этой целью в «Докладе» он развел по времени события, происходившие практически одномоментно. Прорыв турок и мамлюков в Каир он, как мы видели, изобразил предшествовавшим атаке Матарии и фактически отождествил с той попыткой флангового обхода, что была предпринята неприятелем в начале сражения. Операция по штурму деревни, согласно версии «Доклада», была успешно разыграна как по нотам: дивизия Рейнье выбила неприятеля с укрепленных позиций, а дивизия Фриана уничтожила отступавших. Пленение же Бодо в «Докладе» отнесено к моменту уже после (!) взятия французами Матарии:

«В это время Насуф-паша дал мне знать, что желает вести переговоры, и попросил прислать высокопоставленного офицера. Я направил к нему своего адъютанта, шефа бригады Бодо. Как только турецкие солдаты увидели того, они на него напали со всех сторон и ранили в голову и руку. Два сопровождавших его мамлюка этого паши с трудом сумели спасти его от убийц. Доставленный к визирю, он был задержан в качестве заложника...»¹

На мой взгляд, в подобной интерпретации весь эпизод выглядит не слишком логично. Зачем Насуф-паше вступать в переговоры с французами, когда его войска уже наголову разгромлены и ему самому остается лишь спасаться бегством, что он, кстати, и сделал, отправившись в Каир? И уж тем более о чем Клеберу договариваться с разбитым неприятелем?

Зато если мы поместим описанный эпизод в тот временной контекст, куда его относит «Подробный отчет» – к началу атаки на Матарию, то становится вполне объяснимой агрессивная реакция турецких солдат при виде французского парламентера: он приехал на переговоры, а тем временем его соотечественники и не думают останавливать военные действия, а, напротив, продолжают штурм, что могло быть расценено османами как вероломство.

Разгром великого визиря

Изложение последующего хода битвы в «Докладе» Клебера и в других источниках разнится не столь сильно, как описание боя за Матарию, тем не менее определенные расхождения в трактовке событий есть, и далее я на них остановлюсь. Однако происходившее в первые часы после разгрома турецкого авангарда освещается более или менее сходно.

¹ Rapport. P. 736-737.

После успешного штурма деревни Матария дивизия Рейнье восстанавливала свой боевой порядок возле обелиска Гелиополиса, а кавалерия и дивизия Фриана продолжали движение вперед. В результате боевой порядок французской армии приобрел сходство с лесенкой. Слово военному инженеру Малюсу:

«Армия возобновила движение, расположившись в шахматном порядке: первое каре справа опережало второе, а второе – кавалерию; кавалерия опережала первое каре левого фланга, и, наконец, оно само – последнее из каре. Такая диспозиция была наиболее оптимальна для ведения огня. И фронтальная, и тыловая стороны прикрывались фланкирующим огнем таким образом, что все фасы [каре] могли вести огонь одновременно»¹.

В этот момент поднявшиеся на севере клубы пыли известили о подходе основных сил турок под командованием великого визиря. Турецкая армия развернулась на пологой возвышенности между селениями Сирьякус и Эль-Марг, выдвинув вперед артиллерию. Ставка визиря разместилась за пальмовым лесом, окружавшим Эль-Марг. Большую часть турецкой армии составляла кавалерия². Вот как дальнейшее описано в «Подробном отчете»:

«[Французская] армия двинулась на [вражеское] войско. Артиллерия дивизии Фриана, выйдя на расстояние выстрела, открыла по центру [турецкого строя] беглый огонь, который вскоре рассеял всю эту тучу конников. Здесь мы смогли убедиться в слабом взаимодействии турок в атаках. Каждый солдат, наступая и отступая, руководствуется исключительно собственной волей. Один потрясает длинной пикой с флажком, другой размахивает саблей, третий гарцует за пределами досягаемости пули, стреляя из карабина или пистолета. Большая часть этих конников бросилась в лес Эль-Марг, а несколько кавалеристов оказались достаточно дерзкими для того, чтобы воткнуть свои флаги в землю в 50 туазах перед дивизией Фриана. Наши разведчики их быстро отогнали.

Неприятель собрался во второй раз возле высоты Биркет-эль-Аджи. Тот же маневр с его стороны, та же атака с нашей. Стая птиц при выстреле охотника разлетается в стороны не быстрее, чем рассеивается турецкая конница под артиллерийским огнем.

После третьей такой атаки мы увидели, что отряд кавалерии обогнул позади леса наш правый фланг и взял курс на Каир. Французская армия продолжила марш на Эль-Ханка в строжайшем порядке»³.

¹ L'Agenda de Malus. P. 173-174.

² Rapport. P. 738; Rapport détaillé. P. 10.

³ Rapport détaillé. P. 10-11.

Нетрудно заметить, что описание этой фазы сражения, основные события которой развернулись на правом фланге, описаны в «Подробном отчете» гораздо более скупо, чем штурм Матарии. Возможно, автор находился на левом фланге, почему и не смог зафиксировать происшедшее во всех деталях. Клебер же, который находился в тот момент при дивизии Фриана, дает в своем «Докладе» гораздо более подробное освещение событий:

«Генерал Фриан, уже находившийся на марше, вскоре был атакован стрелками, заполнившими этот лес [Эль-Марг]. Генерал Рейнье получил приказ наступать на правый фланг неприятеля по направлению к деревне Сирьякус. Наша армия продвигалась вперед, постепенно восстанавливая свой первоначальный боевой порядок. Генерал Фриан сперва отбросил стрелков, а затем выбил их из леса Эль-Марг. Из пушки и гаубиц он обстрелял группу кавалеристов, составлявших ставку визиря.

Артиллерийские орудия, размещенные перед фронтом турецкой армии, некоторое время вели огонь по нашим каре, но безуспешно: все их ядра пролетали в нескольких туазах над нашими головами. Наши орудия отвечали непрерывным огнем, который вскоре заставил вражеские умолкнуть. И тогда, практически через мгновение, все вражеские знамена соединились в одну линию по всему строю — обычный сигнал всеобщего наступления. Правое каре генерала Фриана приняло атаку на себя и позволило наступающим приблизиться на половину дистанции картечного выстрела. Остановленные первыми залпами, они разделились. Наш огонь продолжался, и они вынуждены были обратиться в бегство. Наша пехота намеревалась стрелять только в упор и не истратила ни одного патрона»¹.

Большинство сообщаемых здесь подробностей подтверждается, как мы далее увидим, и другими источниками: артиллерийская дуэль между французскими и турецкими батареями, выдвижение турецких знаменосцев в линию как сигнал к общему наступлению и отражение турецкой атаки силами одной только артиллерии практически без ведения ружейного огня. Некоторое сомнение вызывает только информация об очистке французами леса Эль-Марг от турецких стрелков. Никаким другим источником она не подтверждается. Напротив, военный инженер Малюс прямо пишет, что французские войска обошли лес стороной:

«Подходили все новые многочисленные отряды вражеской кавалерии. Она нас окружала, закрывая нам весь горизонт. Османы испускали воинственный клич, гарцевали на скорости вокруг нас и стреляли с до-

¹ Rapport. P. 738.

вольно далекого расстояния. Армия шагом продвигалась вперед и влекла за собой все это скопище всадников. Мы оставили по правую руку от себя лес Эль-Маре, занятый неприятелем. К полудню их армия, похоже, соединилась, и они несколько раз предпринимали общую атаку. Они сбивались в многолюдные отряды, которые стремительно неслись на нас. Но едва они оказывались в зоне действия нашей картечи, как разделялись надвое, огибая наш строй справа и слева.

Разные маневры подобного рода продолжались некоторую часть дня. Мы неоднократно останавливались. Время от времени враг обстреливал нас из нескольких орудий, которые привозил в упряжках и потом увозил с собой.

За время этих кавалерийских атак у нас только однажды появилась возможность выпалить из мушкета. Мы использовали больше половины артиллерийского боезапаса, произведя в течение дня около пяти тысяч орудийных выстрелов»¹.

Поскольку артиллерия правого крыла французской армии сыграла на этой стадии сражения решающую роль, особый интерес представляет рассказ уже неоднократно цитируемого здесь артиллериста Ришардо, который находился в самой гуще событий:

«Можно было видеть, как из разных частей их весьма протяженного и глубокого построения одновременно выехало множество кавалеристов со знаменами. При этом движении, очевидно, предварявшем атаку, генерал Клебер, находившийся в правой дивизии, наиболее близкой к неприятелю, приказал остановиться и посоветовал пехоте стрелять только в упор, а артиллерии, орудия которой были заряжены картечью, — открывать огонь лишь с самого близкого расстояния.

В этот момент батарея, расположенная в центре вражеского строя, открыла довольно беглый огонь по нашим каре. Однако наша артиллерия второго и третьего каре поспешно выдвинулась вперед и несколькими быстрыми выстрелами тут же повергла эту батарею в смятение.

Тем временем многочисленные конники выехали из вражеской линии и, перейдя на галоп, атаковали наше первое правое каре. Следуя приказу, мы их подпустили вплотную, после чего картечь из наших шести орудий усеяла землю телами лошадей и кавалеристов. Лишь немногим удалось пустить в дело мушкеты или пистолеты.

Тут же после первой атаки мы увидели, что готовится вторая. Она так же, как и первая, была остановлена картечью перед нашим каре. Наконец,

¹ L'Agenda de Malus. P. 174–175. Курсив мой. – А. Ч.

с коротким интервалом за ней последовала третья, уже далеко не столь стремительная, как две предыдущие; ее постигла та же участь.

Пехота, ощетинившаяся штыками, не сделала ни выстрела.

[...] Сразу после трех последовательных атак вражеской конницы, в которых она потеряла несколько сот человек и лошадей, наша легкая артиллерия по команде генерала Фриана выдвинулась крупной рысью вперед, сопровождаемая справа и слева нашей же кавалерией. Мы быстро вышли на дистанцию выстрела от неприятельской линии. Противник сохранял боевой строй, в коем можно было заметить определенные передвижения, свидетельствовавшие о намерении предпринять еще одну атаку. Мы сумели предотвратить этот маневр, почти одновременно выстрелив из шести орудий, после чего враг начал поспешно отступать по всей линии. Однако это был, без сомнения, благоприятный момент для того, чтобы атаковать наши орудия. Тогда произошла бы кавалерийская схватка. Но враг не решился попытать счастья, и тогда мы крупной рысью пустились за ним вдогонку. На некотором расстоянии неприятель опять развернулся к нам лицом по всей линии. Это делалось, без сомнения, для того, чтобы дать время скрыться визирю, который разместил свою ставку на правом фланге своей армии в небольшой пальмовой роще у деревни Эль-Марг и который незадолго до этого предложил генералу Клеберу перемирие, каковое тот не имел ни малейшего желания принимать. Несколько бомб, пущенных нами по роще и по замеченному там большому отряду кавалерии, заставили [противника] поспешно отступить

Мы со своими пушками продолжали преследовать противника, держась от него на близком расстоянии, а за нами на короткой дистанции двигалась вся армия. Многочисленная кавалерия противника отступала перед нами, сохраняя порядок. Время от времени она останавливалась и поворачивалась к нам, но, увидев обращенные к ней орудия батареи, вновь разворачивалась и удалялась крупной рысью»².

В приведенном рассказе Ришардо нет ничего, что противоречило бы сведениям, содержащимся в «Докладе» Клебера. В частности, это касается упомянутой здесь попытки турок еще раз вступить в переговоры на завершающем этапе сражения. По свидетельству Клебера, когда французская армия уже двигалась к главному турецкому лагерю в Эль-Ханке, визирь прислал к нему гражданина Ломаку (Lhomaca), французского переводчика, ранее сопровождавшего Бодо и вместе с ним задержанного турками. Через него Юсуф-паша, по словам Клебера, вновь предло-

¹ Неточность, правильно – на левом фланге.

² Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 243–244, 246–247.

жил французам эвакуировать Каир в соответствии с условиями Эль-Аришского соглашения. Командующий французской армии, естественно, ответил отказом и попросил передать визирю, что скоро сам прибудет к нему в Эль-Ханка¹. От себя заметим, что в данной ситуации, когда турецкая армия потерпела полное поражение, призыв визиря к французам очистить египетскую столицу выглядит по меньшей мере странно. Однако возможности проверить свидетельство Клебера по другим источникам у нас, к сожалению, нет.

Вместе с тем по ряду других аспектов Ришардо открыто ставит под сомнение достоверность сообщаемого в «Докладе». Он даже отвел этой критике особый раздел в своих воспоминаниях, правда, ошибочно считал, что полемизирует с маршалом Бертье. Выше уже упоминалось, что издатель воспоминаний последнего поместил в качестве приложения к ним отрывок из «Доклада» с описанием сражения при Гелиополисе, и Ришардо, очевидно, счел данный текст частью самих мемуаров.

Первый из фрагментов, вызвавший недовольство Ришардо, касается описания действий турецкой кавалерии в последней фазе сражения:

«Визирь, находившийся в деревне Эль-Марг, попал под огонь наших орудий. Он ожидал, что его приказы принесут успех, хотя его армия и дрогнула. Разделившись на части, она окружила нас со всех сторон. Мы будто оказались внутри кавалерийского каре стороной в половину лье. Такое положение сохранялось, пока армии находились на поле боя. Увидев, что его атака не увенчалась успехом, визирь поспешно ретировался в Эль-Ханку»².

Комментируя данный фрагмент, Ришардо произносит настоящую инвективу против допущенного, как он считает, искажения исторической истины:

«...Это абсолютно неверно. Турки, несмотря на их огромное число, были далеки от намерения нас окружить. Зачем же умалчивать совершенно очевидный факт, который известен всей армии и в подтверждение которого можно привести множество цитат, и подменять его другим, гораздо менее обоснованным и, более того, просто вымышленным?»³

Не претендуя на роль арбитра в заочном споре двух участников битвы при Гелиополисе, замечу, что чисто субъективно многочисленность и постоянные перемещения османской кавалерии, вероятно, могли создать

¹ Rapport. P. 739.

² Rapport. P. 738–739. Курсив мой. – А. Ч.

³ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 255.

впечатление ее вездесущности. Писал же, как мы видели ранее, военный инженер Малюс о том, что она окружала французов, закрывая им горизонт. К тому же, о чем сообщают другие источники, отряды неприятеля на разных этапах сражения огибали то один, то другой фланг французской армии, фактически оказываясь на какое-то время у нее в «тылу». Другое дело, что при осуществленном Клебером построении его войска фактически не имели тыла, как наиболее уязвимой части боевого порядка, и готовы были встретить атаку с любого направления. Может быть, именно поэтому обходившие французскую армию отряды неприятеля избегали вступать с ней в боевое соприкосновение (за исключением печально закончившейся для них контратаки при Матарии) и сразу направлялись в сторону беззащитного, как они полагали, Каира. Вместе с тем в «Докладе», на мой взгляд, речь все же идет не об эпизодическом проникновении противника в «тыл» французской армии, а о совершенно определенном факте ее тактического окружения неприятелем, пусть и на очень недолгое время. Подтверждения этому факту в других источниках я не нахожу и могу очень осторожно предположить, что в данном случае имело место некоторое риторическое преувеличение, призванное добавить драматизма тексту, рассчитанному на широкую публику.

Ришардо также подверг критике попытку автора «Доклада» объяснить особенностями рельефа ту слабую активность, которую французская кавалерия проявила в преследовании отступающего противника:

«Жара, наступающая после ухода воды [с окончанием разлива Нила. – A. Y.], часто вызывает появление глубоких трещин в земле; именно это сдерживало порыв вражеской кавалерии и не позволило нашей преследовать бегущих»¹.

По мнению Ришардо, подобные дефекты почвы если и могли иметь место, то лишь на левом фланге французской армии, который передвигался по кромке земель, покрываемых водой во время ежегодных разливов Нила. На правом же фланге, где развернулись основные события решающей фазы сражения и где находился сам Ришардо, французские войска действовали фактически на границе с пустыней, куда воды реки не доходили и где рельеф не имел каких-либо неровностей, способных помешать атакам турецкой конницы. «Что же касается французской кавалерии, — заключает Ришардо, — то она, очевидно, была слишком малочисленной, чтобы померяться силами с неприятельской. Именно это было причиной ее бездействия, а не какие-либо дефекты почвы»².

¹ Rapport. P. 738.

² Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires. P. 256.

Строго говоря, аргументация Ришардо мне и здесь кажется несколько более убедительной. Ни в одном независимом (то есть не повторяющем содержание «Доклада») источнике нет упоминания о подобных неровностях. Да и французская кавалерия в этом сражении все же не бездействовала, а выполняла пусть и вспомогательные, но полезные функции. И если она не слишком удалялась от своих каре, то причиной тому была именно ее малочисленность. Об одной из таких вылазок, оказавшейся лично для него довольно выгодной, рассказывает уже известный нам гусар Девернуа:

«...Генерал Фриан позволил туркам приблизиться и привел разом в действие все свои орудия, встретив атакующих картечью. Те тут же обратились в бегство, оставив на земле множество убитых и раненых.

Отправленный со своим эскадроном собрать этих раненых и взять в плен с полсотни беглецов, я добыл там себе мушкетон и пару пистолетов ювелирной работы, отделанных серебром, а также кривую саблю с коротким клинком шириной в ладонь, расширяющимся от эфеса, и с рукояткой из рога носорога до трех дюймов длиной, имеющую тембр долгий и протяжный; инкрустированная на ней довольно потертая арабская надпись сообщала, что сабля эта изготовлена в древнем Вавилоне»¹.

Да и турецкой кавалерии никакие «трещины в земле» не помешали совершить три полноценные атаки на дивизию Фриана. Зачем же в «Докладе» потребовалось ссылаться на неблагоприятный рельеф? Могу лишь в качестве гипотезы предположить, что таким образом автор попытался снять саму возможность неудобного вопроса о том, почему не была использована кавалерия для добивания потерпевшей поражение турецкой армии.

Преследование отступающего врага кавалерией являлось аксиомой военного искусства, однако в конкретной ситуации Восточной армии оно было сопряжено с чрезмерным риском. Использование полутора тысяч кавалеристов против нескольких десятков тысяч турецких конников, отступавших в полном порядке, могло окончиться для французов плачевно. Именно поэтому преследование неприятеля осуществлялось французской армией в полном составе — дольше, но надежнее. Возможно, чтобы не объяснять на пальцах непосвященным все нюансы сложившейся в Египте ситуации, Клебер и предупредил соответствующий вопрос ссылкой на неудобный рельеф. Впрочем, это всего лишь моя гипотеза, не более.

¹ Desvernois, général baron. Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. P. 156–157.

Как бы то ни было, французская армия, действительно, в полном составе продолжала неспешное, но уверенное продвижение вслед за отступающим противником. Когда великий визирь оказался на безопасном расстоянии от неприятеля, турецкая кавалерия тоже ускорила отход, и вскоре французы потеряли ее из виду. По свидетельству Малюса, составившего точный хронометраж сражения, это произошло около 3 часов пополудни¹.

Перед заходом солнца французские войска подошли к главному турецкому лагерю у Эль-Ханки и без боя заняли его, встав там на ночлег. Солдаты отчаянно нуждались в отдыхе, ведь почти сутки они находились на ногах, не имея возможности подкреплять свои силы ничем, кроме водки, которую им раздали накануне сражения². Армия же визиря бежала в Бельбейс, бросив большую часть своих запасов воды и продовольствия. Битва при Гелиополисе закончилась.

Последствия

На другой день, 21 марта, французы продолжили преследование отступающего неприятеля и в Бельбейсе схватились с его арьергардом. После продолжительного боя турки 22-го числа капитулировали, и французская армия пустилась дальше по следам великого визиря. 23 марта турецкие войска дали еще один арьергардный бой у деревни Кораим и вновь были наголову разбиты. После каждого очередного успеха Клебер отправлял некоторую часть своей армии в Каир на помощь французам, продолжавшим обороняться в восставшем против них городе.

24 марта французская армия у Салихии обнаружила турецкий лагерь, но он был пуст. Великий визирь бежал через пустыню в Сирию. Следом за ним практически без воды и припасов отправились остатки его войска, чтобы остаться там навсегда. Голод, жажда и бедуины покончили с теми, кому удалось спастись от французских штыков и картечи.

За несколько дней ситуация изменилась кардинальным образом. Если после прорыва неприятеля в Каир французская армия в течение нескольких часов находилась фактически в «котле», то теперь в окружении оказался уже сам Каир. Месяц спустя оборонявшиеся там турки, мамлюки и восставшие горожане капитулировали.

Таким образом, прямым следствием победы Клебера при Гелиополисе стало повторное завоевание Египта и полное уничтожение турецкой армии, насчитывавшей, как минимум, 60 тыс. чел. Французские потери оказались во много раз меньше. К сожалению, мне не удалось обнару-

¹ L'Agenda de Malus. P. 175.

² Histoire scientifique et militaire. T. 7. P. 382.

жить сведения о количестве убитых и раненых французов непосредственно в битве при Гелиополисе, однако и за всю весеннюю кампанию 1800 г. Восточная армия потеряла убитыми и умершими от ран только 39 офицеров и 642 солдата и унтер-офицера, то есть 681 чел. Соотношение потерь просто феноменальное — по меньшей мере сто к одному!!!

Говоря о победе Клебера при Гелиополисе, Ф.Р. Шатобриан назвал ее «подвигом, сравнить с которым Наполеону нечего»². Если иметь в виду Египетский поход, то с этим утверждением трудно спорить. А потому столь удивительный триумф и был обречен на забвение.

Список литературы

Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915. [Voennaya entsiklopediya / Pod red. V.F. Novitskogo i dr. SPb., 1911–1915].

Голицын Н.С. Всеобщая военная история новейших времен. СПб., 1874–1875. [Golitsyin N.S. Vseobschaya voennaya istoriya noveyshih vremen. SPb., 1874–1875].

Туган-Барановский Д.М. Наполеон и власть (Эпоха Консульства). Балашов, 1993. [Tugan-Baranovskiy D.M. Napoleon i vlast (Epoha Konsulstva). Balashov, 1993].

Baillard J.P. Kléber après Kléber. Strasbourg, 2000.

Chandler D.G. The Campaigns of Napoleon. 3 vols. L., 2002.

Chateaubriand F.R. Mémoires d'outre-tombe. Bruxelles, 1849. T. 3.

Delaître F. La bataille d'Héliopolis: 20 mars 1800. Allonzier-la-Caille, 2011.

Desvernois, général baron. Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. P., 2012.

Doguereau J.P. Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. de C. de La Jonquière. P., 1997.

Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830–1836. T. 7.

Journal du capitian François, dit le dromadaire d'Égypte / Établie par Charles Grolleau. P., 2003.

Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. P., 1988.

Kléber en Égypte 1798-1800. T. 4. P., 1995.

Künzi F. Bonaparte et l'Égypte. P., Lausanne, 2005.

L'Agenda de Malus. Souvenirs de l'expédition d'Égypte / Publié et annoté par le général Thoumas. P., 1892.

La Grevèrie P. L'Armée d'Orient sous Kléber // Revue d'histoire. 1911. Juillet. N 127.

La Jonquière C., de. L'expédition d'Egypte. 5 vols. P., 1899–1907; 2e éd. P., 2003. *Laurens H.* L'expédition d'Egypte 1798-1801. P., 1997.

¹ Pertes faites pendant la campagne contre le grand vizir et le siège du Kaire – SHD/DAT. B6 189.

² Chateaubriand F.R. Mémoires d'outre-tombe. Bruxelles, 1849. T. 3. P. 194.

Mémoires de Napoléon. T. 2. La Campagne d'Egypte 1798-1799. P., 2011.

Mémoires du Maréchal Berthier. Pt. 1: Campagne d'Egypte. P., 1827.

Meulenaere Ph., de. Bibliographie raisonnée des témoignages occulaires imprimées de l'expédition d'Égypte (1798–1801). P., 1993.

Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. L., 1801.

Pajol Ch.P.V., le comte. Kléber, sa vie, sa correspondance. P., 1877.

Rapport fait au Gouvernement français des événemens qui se sont passés en Egypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII. Kair, s.d.

Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie. P., 1848.